

На правах рукописи

Чиркина Римма Вячеславовна

***ИЗМЕНЕНИЕ УСТАНОВОК
ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
ЛИЧНОСТИ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ***

Специальность 19.00.01 – Общая психология,
психология личности, история психологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата психологических наук

Москва – 2008

Работа выполнена на кафедре психологии личности факультета психологии
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор
Иванников Вячеслав Андреевич

Официальные оппоненты – доктор психологических наук
Гульдан Виктор Викторович;

кандидат психологических наук, доцент
Ениколопов Сергей Николаевич

Ведущая организация – Институт психологии Российской академии
образования

Защита состоится 24 октября 2008 г. в 15:00 на заседании диссертационного
совета Д.501.001.14 в МГУ им. Ломоносова по адресу: 125009, Москва, ул.
Моховая, дом 11, корпус 5, аудитория 310.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ им.
М.В.Ломоносова.

Автореферат опубликован на сайте факультета психологии МГУ им.
М.В.Ломоносова www.psy.msu.ru

Автореферат разослан ____ _____ 2008 г.

Ученый секретарь

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования.

Среди проблем последних десятилетий проблема несовершеннолетней преступности занимает особое место. Этот вопрос был актуален во все времена, но в постсоветский период ломка общественного строя и, вместе с ним, общественного сознания привела к тому, что произошли не только количественные, но и качественные, содержательные изменения в структуре самого явления и в социальных процессах реагирования на него.

Заметный рост преступности в России фиксируется с конца 80-х годов. На фоне увеличения общей преступности неуклонно растет преступность среди несовершеннолетних: в течение последнего десятилетия примерно в 6 раз быстрее, чем изменялась общая численность этой возрастной группы. Растет и количество несовершеннолетних, осуждаемых к лишению свободы. По данным ФСИН РФ на 1 сентября 2007 г. в 62 воспитательных колониях для несовершеннолетних (59 для мальчиков и 3 для девочек) содержалось 11,8 тыс. Стабильно высоки показатели рецидивной преступности: уже в течение первого года после освобождения из колоний и закрытых воспитательных учреждений новые преступления совершают от 15 до 30% воспитанников (информация РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2003). Почти 2/3 общего числа взрослых рецидивистов начинают преступную «карьеру» до 18 лет, каждый второй из них начал совершать преступления под влиянием рецидивиста. Лица, совершающие противоправные действия в раннем возрасте, как правило, значительно труднее поддаются исправлению и в итоге составляют основной резерв для рецидивной преступности.

Установлена закономерность, что чем опаснее преступление, тем выше вероятность совершения его лицом, ранее совершавшим преступления (Забрянский, 1997).

Подавляющее большинство молодых людей, осужденных к лишению свободы, надеются больше не попадать за решетку. Но после освобождения они, даже искренне нацеленные на нормальные, социально одобряемые модели поведения, зачастую не в силах справиться с вызовами реальности, ведь возвращаются они в ту же среду, где происходила их криминализация. Причем, возвращаются с грузом новых проблем, личностных и поведенческих деформаций и с заметным социальным отставанием от своих сверстников. Ситуация осложняется тем, что в российской системе социального контроля не предусмотрено звено помощи освобождающимся для постепенного перехода судимой молодежи от неволи с ее четкой репрессивной регламентацией к непредсказуемой и сложно организованной жизни на свободе.

В отечественной и зарубежной науке пристальное внимание традиционно уделяется факторам, влияющим на совершение противоправных и преступных деяний. Конкретные проблемы детерминации преступного поведения рассматриваются в рамках специальных и прикладных отраслей психологии, в социологии, криминологии и других гуманитарных науках. В частности, проблемам криминальной агрессии посвящены работы С.Н.Ениколопова, И.А.Кудрявцева, Е.В.Куприянчук и др., мотивации криминального поведения – А.В.Ермолина, В.В.Гульдана, В.В.Лунеева, О.Д.Ситковской и др. Влиянию социальной среды на формирование личности и поведение преступника посвящены работы Ю.М.Антоняна, Ю.А.Алферова, Р.Блекборна, М.Г. Дебольского и др. Гендерные аспекты преступности представлены в

работах Е.Г.Дозорцевой, Ганса И. Шнайдера, Kuri H., Oberfeel- Fuchs, M.Wurder и др. Роль психических аномалий в генезисе противоправного поведения раскрывается в работах Л.М.Балабановой, Ю.М.Антоняна, В.В.Гульдана, Г.В.Морозова и др., влияние пережитого насилия и психологических травм – в исследованиях Т.Б.Дмитриевой, Е.И.Морозовой и др. Роль семейных факторов в формировании девиантного поведения подростков анализируется Л.И.Аувэяртом, А.Е.Личко, А.А.Реаном, Э.Г.Эйдемиллером и др.

В этой исследовательской парадигме логика предлагаемых превентивных, реабилитационных и коррекционных подходов основывается преимущественно на преодолении, нейтрализации или снижении воздействия факторов, провоцирующих преступное поведение. Но причин совершения преступлений, особенно молодыми людьми, очень много, и они чаще всего имеют объективный и мало управляемый характер, чтобы реально изменить ситуацию пропорционально затраченным на это усилиям. Для этого нужна, по меньшей мере, коренная перестройка социальной политики в отношении подрастающего поколения и молодежи. Однако, даже в ситуации социальной депривации и дефицита ресурсов существует феномен смены привычных криминальных моделей поведения молодежи на социально одобряемые. Это позволяет считать, что совершение преступлений предопределяется и запускается одними факторами, а удержание от них - другими, что предполагает иной, позитивный, ресурсный подход к изучению проблемы.

Изучение только генезиса криминального поведения личности не дает прямого и исчерпывающего ответа на вопрос о факторах и мотивах, способствующих удержанию от преступных действий, особенно у лиц, уже совершавших преступления и имевших опыт лишения свободы. А ведь понимание именно механизмов декриминализации, на наш взгляд, позволило бы найти «ключи доступа» к проблеме снижения рецидивной преступности в криминально пораженной подростково-молодежной среде.

С середины 80-х годов в США и Европе наметилась вполне отчетливая тенденция к изучению положительного опыта ресоциализации бывших преступников (Gottfredson, M. & Hirschi, T., 1990; Sampson, R. J. & Laub, J. H., 1993; Spieß, G., 1986; Kerner H., 2001; Stelly W., 2004 и др.). С конца 90-х годов и в нашей стране под влиянием развивающихся институтов гражданского общества в фокусе внимания исследователей оказались объективные факторы, связанные так или иначе с процессами ресоциализации и реабилитации осужденных подростков и молодых людей (Е.Г.Багреева, 2001; Н.Л. Денисов, 2006; А.С.Новоселова 2001; А.Л. Лихтарников и Е.Н.Чеснокова, 2004; В.Р. Шмидт, 2007 и др.).

При разработке мер снижения рецидива криминального поведения у лиц, впервые осужденных в несовершеннолетнем возрасте, на наш взгляд, необходимо исследование **установок личности** на отказ от преступного поведения и факторов, способствующих изменению криминальных установок. Характер установок личности определяет то, как усвоенный социальный опыт преломлен личностью и конкретно проявляет себя в ее действиях и поступках, мотивах и намерениях. Поэтому в центре внимания предлагаемого исследования находится субъективная представленность в сознании судимых молодых людей выбора ими мотивов (или оснований) для изменения привычных деструктивных/антисоциальных установок в потенциально криминогенных ситуациях.

Одну из основных задач профилактики рецидива мы видим в том, чтобы сформировать и закрепить у судимых молодых людей комплекс личностных и социальных установок просоциальной направленности, а также способностей и

возможностей, необходимых для нормального функционирования личности в обществе, даже когда внешние ресурсы максимально ограничены. Решение этой большой задачи, на наш взгляд, невозможно без выявления субъективных и объективных факторов, влияющих на намерение судимых в несовершеннолетнем возрасте избегать в дальнейшем противоправных способов решения своих жизненных проблем. Выявление факторов торможения преступного поведения в подростково-молодежной среде, и в частности, динамики криминальных установок как объекта направленных превентивных воздействий и определяет актуальность данного исследования.

Объект исследования.

Факторы, обеспечивающие или способствующие отказу от совершения криминальных действий в потенциально криминогенных ситуациях.

Предмет исследования.

Динамика установок криминального поведения личности.

Цель исследования.

Изучение изменения содержания установок личности на отказ от повторных преступлений в зависимости от изменения уголовно-правового статуса у лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте.

Задачи исследования.

1. Проанализировать современные научные представления о факторах, способствующих возникновению и прекращению преступного поведения несовершеннолетних.

2. Выявить степень потенциальной криминогенности (криминогенного риска) ситуаций, имеющих для осужденных подростков и молодых людей с разным уголовно-правовым статусом стрессогенное, фрустрирующее, уголовно-релевантное значение.

3. Проанализировать положительный опыт отказа от совершения преступных действий в криминально-потенциальных ситуациях – с точки зрения его субъективной представленности в сознании судимых молодых людей, а также связи выявленных факторов с криминальными, социальными и личностными характеристиками исследуемых групп.

4. Провести комплексное исследование особенностей личностно-смысловой и мотивационной сферы: а) лиц, осужденных к условному наказанию; б) лиц, находящихся в преддверии освобождения из воспитательных колоний, и в) лиц с устойчивыми изменениями поведения после отбывания наказания.

5. Проанализировать профилактические эффекты существующих программ социально-психологической реабилитации и, в частности, авторской модели тренинга, формирующего мотивацию к изменению поведения для неоднократно судимых подростков и молодежи.

Теоретико-методологическая основа.

Методологически исследование опирается на теории деятельности А.Н.Леонтьева и С.Л.Рубинштейна, теорию развития и принципы культурно-исторического подхода Л.С.Выготского, теорию установки Д.Н.Узнадзе, позиции историко-эволюционного подхода (А.Г.Асмолов). Данное исследование находится в русле парадигмы смысловой регуляции деятельности, которую представляют отечественные психологи (Б.С. Братусь, Ф.Е.Василюк, Б.В.Зейгарник, В.А.Иванников, Д.А.Леонтьев).

Основные гипотезы исследования.

1. Различия уголовно-правового статуса (опыта контакта с правоохранительной системой) подростков и молодежи влияют на различия в выборе оснований и в содержании установок на отказ от повторных преступных действий.

2. Динамика этих установок проявляется в смене ценностей, ради которых несовершеннолетние осужденные готовы в своей дальнейшей жизни отказаться от повторных преступных действий.

3. Выбор ценностей, как факторов удержания от рецидивного преступного поведения, связан с особенностями содержания сознания, волевой сферы и личностных черт у лиц, впервые осужденных в несовершеннолетнем возрасте.

4. Устойчивое социально-адаптивное поведение молодых людей после освобождения из мест лишения свободы является следствием изменения установок личности по отношению к соблюдению закона, перестройкой системы ценностей и целей и включением в принципиально иную, социально одобряемую деятельность.

Методы исследования.

Выбор методов определен целью и задачами исследования. Помимо широко применяемых классических методов психодиагностики, в исследовании использованы авторские модификации проективных и полупрожективных методик, анкетирование, социологические методы.

1. Для изучения фактологического контекста исследования (ситуации развития, событий жизни, характеристик деликта, референтного окружения испытуемых и пр.) был использован мультипарадигмальный подход (сочетание качественных и количественных методов), представленный биографическим методом, методом кейс-стади (анкетирование, интервью, анализ документов), клинической беседой. Интервью носило неформализованный характер, но проводилось по специальной программе.

2. Изучение индивидуально-психологических и личностных особенностей испытуемых осуществлялось с помощью следующих методов:

- **16-ти факторный личностный опросник Кеттелла:** подростковый вариант – HSPQ, взрослый – 16 PF, детский – CPQ – для лиц с низкими показателями интеллектуальной нормы, выявляющий особенности коммуникативной сферы, эмоционально-волевой регуляции поведения, степени социальной адаптации, наличия эмоциональных и личностных проблем, лидерского и творческого потенциала.

- **Методика оценки морального развития личности:** опросник Л.Колберга, на основе которого определяются три основных уровня развития моральных суждений: преконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный.

- Для изучения особенностей самооценки и идентичности используется формализованная **методика самооценки** Дембо-Рубинштейн (В.А.Иванников, Е.В.Эйдман,1990) и субъективная оценка личностных и волевых качеств в 4-х проекциях: *я сам, все судимые, все несудимые, идеал*. Она позволяет выявить глобальное ценностно-смысловое отношение к себе, иерархию стоящих за самооценкой ценностей, выявить уровень самопрятия и векторы идентификации на разных стадиях уголовно-правового соотнесения. Метод включает психометрическую процедуру, что позволяет сравнивать получаемые данные с нормативными групповыми или социальными стандартами.

- Для анализа эмоционально-смыслового содержания отношений (к себе, времени, проблемам, преступлению и пр.) использована **цветоассоциативная**

методика пространственных метафор И.Л.Соломина с добавлением понятий, связанных с криминальной жизнью осужденного и его пребыванием в воспитательной колонии (с авторской коррекцией стимульного материала, разработанного НИР МПЛ ГУИН Минюста России по Санкт-Петербургу).

3. Динамика установок личности испытуемых исследовалась с помощью следующих методов:

- Для изучения целевых установок испытуемых применен **опросник «Цели и средства»** - в авторской версии, разработанный на основе методики Рокича в модификации В.С. Магуна, содержательно ориентированный на контекст данного исследования.

- В процессе пилотажа был сформирован оригинальный **авторский вопросник «Оценка риска»** из 20 позиций, обобщающих типичные провокационные, фрустрирующие, уголовно-релевантные ситуации, которые испытуемые перечислили, отвечая на открытые вопросы анкеты о рисках совершения противоправных деяний. Опросный лист включал также вопросы, связанные с прогнозом деликта и факторами отказа от совершения криминальных действий в провоцирующей ситуации.

Достоверность результатов исследования обеспечивалась разработкой программы исследования, адекватной поставленным целям и задачам; достаточным объемом выборки (245 человек в возрасте от 15 до 25 лет из различных регионов РФ); применением количественных и качественных методов анализа полученных данных.

Количественные результаты значимого уровня достоверности были получены с помощью статистической программы SPSS 12rus. Использовались методы непараметрической статистики: коэффициент корреляции Спирмена и Пирсона, тест для двух независимых выборок Манна-Уитни, тест для нескольких независимых выборок Крускалла-Уоллеса, тест Хи-квадрат, метод многомерного шкалирования ALSCAL, метод иерархической кластеризации, метод множественных сравнений и пр.

Научная новизна.

Основной акцент в исследовании сделан на анализе факторов, обеспечивающих декриминализацию поведения судимых молодых людей. На примере группы лиц, длительно остающихся на свободе после отбывания наказания, показаны различия между смысловыми, целевыми и операциональными установками по отношению к закону.

Впервые предпринята прямая апелляция к субъективно представленному в сознании молодых людей, демонстрирующих привычные криминальные модели поведения, положительному опыту отказа от преступных действий в ситуациях криминогенного риска. Впервые получены результаты смены содержания установок на отказ от повторных преступлений у осужденных в несовершеннолетнем возрасте в зависимости от их уголовно-правового статуса.

По-новому осмыслены принципы профилактики рецидива в среде судимых несовершеннолетних.

Теоретическая значимость.

Исследование доказывает, что вероятность сдвига криминальных установок на отказ от повторных преступлений определяется ориентировкой осужденных, отбывших наказание и освободившихся, на определенные личные ценности и социальные факторы, что конкретизирует принципы детерминации и регуляции поведения

мотивами личности и образом ситуации действия. В работе реализованы методологические принципы «ресурсного» анализа, характерные для позитивной психологии. Такой подход нацеливает на исследование ресурсов психических трансформаций как объект воздействий превентивных и реабилитационных стратегий в отношении лиц с деструктивной идентичностью.

Практическая значимость.

Практическая значимость исследования определяется тем, что в предложенных автором реабилитационных подходах и программах усилия специалистов опираются на механизмы самодетерминации изменения поведенческих стратегий молодежи в соответствии с индивидуально-личностными особенностями и в любых социальных обстоятельствах. Полученные результаты позволяют лучше понять трудности ситуаций, в которых находятся молодые люди, пытающиеся удержаться от повторных преступлений, и обосновать необходимость создания специальной социально-реабилитационной инфраструктуры, опосредующей их переход из категории осужденных в категорию полноправных граждан свободного общества. Результаты исследования позволяют модифицировать и дифференцировать для различных категорий девиантных и делинквентных подростков и молодежи приемы мотивационного тренинга, основанного на принципах позитивной терапии, реализуемого в русле модели мотивационной терапии (St. Rollnick, William R. Miller и др.).

Положения, выносимые на защиту.

1. Смысловой доминантой измененного (социально адаптивного) поведения у большинства обследованных лиц из числа отбывших наказание и освободившихся из колоний, остается желание избежать повторного наказания в виде лишения свободы (а отнюдь не соблюдение закона). Функционирование этой установки проявляется в смене способов действия при сохранении общей криминальной направленности личности или в отказе от криминальных способов достижения жизненных целей без смены ценностных ориентаций.

2. Смысловые (мотивационные) установки меняются у очень небольшого числа лиц, отбывавших наказание за уголовные преступления в несовершеннолетнем возрасте. Несовершеннолетние преступники в исследуемых группах не имеют установки на изменение себя и своих ценностей.

3. Обследуемые из разных групп в зависимости от уголовно-правового статуса (условно осужденные, находящиеся в местах лишения свободы, освободившиеся) выбирают разные цели, ради которых они готовы удерживаться от совершения преступлений, и возможные жертвы, на которые они готовы пойти ради своих целей.

4. У обследуемых из разных статусных групп особенности проявления личностных свойств и структуры содержания сознания связаны с характером уголовно-правового статуса.

5. Высокая вероятность удержания от повторного преступления у судимых в несовершеннолетнем возрасте связана с наличием поддержки значимых для них людей и социального окружения в целом. Это обуславливает необходимость создания специальной инфраструктуры по поддержке социальных связей для находящихся в

местах лишения свободы и социально-психологическому сопровождению условно осужденных и освободившихся.

Апробация результатов работы.

Основные положения диссертации апробированы на заседании кафедры психологии личности факультета психологии МГУ (июнь 2008 г.) и на семинаре для аспирантов, проводимом на факультете психологии МГУ в 2008 году.

Результаты работы были представлены на I конференции Федерации психологов образования РФ, Москва 2004; IV съезде РПО, Ростов-на-Дону, 2007; проектных конференциях Организации PRI (Международная тюремная реформа), Москва, Казань, Саратов, 2003-2006, РОО Центр содействия реформе уголовного правосудия, Москва 2006-2008, и РОО «Социум», Саратов, 2003-2007. Практические рекомендации и результаты эмпирического исследования положены в основу спецкурса «Психологические особенности девиантных и делинквентных подростков» для факультета коррекционной педагогики и специальной психологии Пединститута СГУ (2005 г.), а также учебно-методического семинара в рамках курсов повышения квалификации учителей (на базе Саратовского ИПКиПРО) и специалистов КДН при Правительстве Саратовской области (на базе Института прокуратуры СГАП – Саратов, 2005-06). Методические материалы, разработанные в рамках исследования и практической реализации программы социально-психологического сопровождения осужденных несовершеннолетних, были переданы в МПЛ УФСИН по Саратовской области (2006) и МОУ ПМСС-Центр «Позитив» г. Энгельса Саратовской области (2007).

Содержание диссертационной работы отражено в семи публикациях.

Структура диссертации.

Диссертация содержит введение, три главы, выводы, заключение, список литературы, приложения. Список литературы включает 204 наименования, из них 28 на иностранных языках. Объем диссертации составляет 170 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы диссертационного исследования, проанализирована степень разработанности проблемы, определены цели, задачи, объект и предмет исследования, раскрыты методологические основания диссертации, научная и практическая значимость работы.

В первой главе «Теоретические подходы к проблеме формирования и изменения криминальных установок личности» представлено состояние теоретической и эмпирической разработанности данной проблематики в отечественной и зарубежной науке. Глава состоит из двух основных разделов.

В первом разделе «Детерминация противоправного и преступного поведения и особенности личности несовершеннолетних преступников» рассматриваются вопросы генезиса противоправного поведения в свете современных научных теорий. Приводится обзор эмпирических исследований факторов и причин делинквентного поведения в несовершеннолетнем возрасте. Рассматривается влияние реалий систем контроля и санкций на личность и поведение правонарушителей.

Изучением причин преступности занимаются традиционно представители самых разных научных направлений: криминологии, социологии, юриспруденции, психиатрии,

философии и конечно, психологии. Не вызывает сомнений, что криминальное поведение формируют разнообразные и мощные влияния: антисоциальные поступки объясняются сложным взаимодействием целого ряда генетических, социальных и личностных факторов. Преступное поведение является крайним проявлением девиантного (отклоняющегося) поведения, которое противопоставляется поведению конформному. Общество через свои институты определяет ценности и соответствующие им нормы – правила поведения, обеспечивает их трансляцию (передачу) и социализацию (усвоение индивидами в процессе воспитания, обучения, совместной жизни), поощряет за соблюдение норм (конформизм) или допустимое, с точки зрения общества, реформирование (новаторство), принимает меры по предупреждению (профилактике) нежелательных форм поведения (девиантного, делинквентного, преступного). Таким образом функционирует механизм *социального контроля* (Гишинский, 2004).

Исследования количественных характеристик эффективности социальной нормы обнаружили, что требования социальных норм добровольно выполняются лишь в том случае, если они соответствуют установкам, интересам и потребностям субъекта (Никитин, Спиридонов, Фомин, 1971). Ценности группы несовершеннолетних правонарушителей лишь в незначительной степени пересекаются с ценностями общества (Волков, 1972; Пирожков, 1994; Башкатов, 1993).

В области криминологии основные теоретические направления XX века концептуализируют феномен преступности несовершеннолетних с позиций социологии субкультур. *Теория контроля* (Hirschi, 1969) описывает механизмы первичного отклоняющегося поведения (молодые правонарушители на пороге криминальной субкультуры). *Теория ярлыков* (клеймение) представляет механизмы, «открывающие двери» в криминальную субкультуру (Tannenbaum, 1938, Eliot et al., 1979). *Теории субкультур и обучения* (Cohen, 1955, Miller, 1958, Matza and Sykes, 1961) обосновывают вторичные отклонения (рецидивизм) социальной поддержкой и закреплением преступного поведения референтной субкультурной средой. *Теория возможностей* (R. Merton, 1957, Cloward and Ohlin, 1960) объясняет порождение самих субкультур, в частности, криминальных молодежных, блокировкой легитимных и открытостью нелегитимных способов достижения цели. Для нас же особый интерес представляет концепция *воссоединяющего стыда* (Брейтуэйт, 1990), которая на основе объяснительного потенциала этих теорий делает акцент на решении проблем преступности в русле *теории удержания* (Jensen, Erickson, 1978; Williams, 1985; Tittle, 1980).

Популярная в XX веке психоаналитическая теория объясняет феномены преступного поведения как отражение конфликта между эго и суперэго (Asch, 1974), как процесс *сублимации, отыгрывания* неудовлетворенных желаний (Healy and Bronner, 1936), как результат поощрения родителями импульсивных проявлений ребенка (Kaplan, 1976) и неблагополучия в отношениях с матерью, культивирующих у ребенка незрелость и повышенную тревожность (Adler, 1982).

Более операциональным объяснительным потенциалом обладает теория личностных черт, представители которой (Eysenk, 1985, Farrington, 1992, Furnham and Thompson, 1991 и др.) вполне убедительно доказали, что с самыми различными видами антисоциального, криминального и делинквентного поведения связаны как личностные факторы высшего порядка (экстраверсия, нейротизм, психотизм по Айзенку), так и несколько других черт или факторов низшего порядка (низкая самооценка, импульсивность, склонность к риску, агрессивность и враждебность).

Социально-когнитивный подход (Binder,1988,Hollin,1989) обосновывает наличие связи между криминальным поведением и интеллектуальным функционированием: отличительным признаком преступников считается неспособность четко разграничивать различные социальные стимулы (неразвитость умения выбирать подходящее к ситуации поведение, находить варианты решения проблем, предусматривать последствия своих действий, планировать действия, необходимые для достижения определенного результата). Представители данного направления утверждают, что изучение личностных диспозиций обнаруживает значимые различия между правонарушителями и рецидивистами, что может служить прогностическим целям (цит. по Фернхем, Хейвен,2001).

В отечественной криминологии механизмы преступного поведения рассматриваются с позиций связи и взаимодействия внешних факторов объективной действительности и внутренних, психических процессов и состояний, детерминирующих решение совершить преступление, направляющих и контролирующих его исполнение (Механизм преступного поведения. Под ред. Кудрявцева, 1981). У разных видов преступлений этот механизм имеет свою специфику. Например, механизм предумышленного преступления, как наиболее полный, включает три основных звена: 1) мотивацию преступления; 2) планирование преступных действий; 3) исполнение замысла и наступление общественно опасных последствий. В первое звено входят потребности личности, ее планы, интересы, которые во взаимодействии с системой ценностных ориентаций личности порождают мотивы преступного поведения. Во втором звене мотивация уже конкретизируется в план противоправного поступка. Субъект определяет непосредственные цели и объекты своих действий, а также средства, место и время действия, принимая соответствующие решения. Третье звено - непосредственное совершение преступления. Оно охватывает как преступные действия (бездействие) субъекта, так и наступление преступного результата (Механизм преступного поведения, 1981, с. 30). Антиобщественной мотивации предшествует неблагоприятное с социальной точки зрения формирование человеческой личности. **Те потребности, социальные установки, ценностные ориентации, которые сложились у личности, в решающей степени определяют ее дальнейшее поведение в различных жизненных ситуациях, в том числе, в отношении преступных действий.**

То есть, на уровне личности правонарушения выступают как результат деформации некоторых звеньев индивидуального психологического процесса мотивации и принятия решений. На структуру исходных побуждений и на динамику процесса мотивации преступного поведения неповторимый отпечаток накладывают психологические свойства (интеллектуальные, эмоциональные и волевые), психологические особенности (тип НС, темперамент, характер, способности) и психические процессы (восприятие, память, воображение, мышление) (Лунеев, 1991, с.139).

Но попытки части исследователей выделить комплекс качеств, присущих «криминальной личности» оказались мало продуктивными, хотя определенные отличительные особенности были зафиксированы. Некоторые авторы (Антонян, Голубев, Кудряков и др., 1987, 1995) утверждают, что преступники от не преступников на статистическом уровне отличаются весьма существенными психологическими особенностями, влияющими на противоправное поведение. Тем не менее, они признают, что у некоторых категорий преступников психологической специфичности не наблюдается. Другие исследователи (Гульдман, 1985; Букаев, Мальцев и др. 2006)

считают, что не существует таких личностных особенностей, которые фатально предопределяли бы склонность человека к социальной дезадаптации. В данном исследовании мы имеем дело не с «криминальной личностью», а с криминальными характеристиками личности.

В работе приведены результаты эмпирических исследований, где дается развернутый анализ личностных особенностей несовершеннолетних делинквентов и преступников (в т.ч., в сравнении с законопослушными сверстниками), характеризующих эмоционально-волевою, мотивационно-потребностную сферу личности, особенности самооценки и ценностных ориентаций (Васильева, 1995; Бочкарева, 1972; Валицкас и Гиппенрейтер, 1988; Букаев, Мальцев, 2006 и др.).

Механизм формирования криминальных установок личности рассматривается также через призму характеристик возраста, в частности, кризиса идентичности, характерного для подросткового периода (Э.Эриксон, И.С.Кон) и роли психопатий и акцентуаций характера (Гульдман, 1985; Лунеев, 1991). Среди социальных и психологических факторов, коррелирующих с делинквентным поведением молодых людей, высокой степенью криминогенности отличаются бедность и низкий социальный статус, зависимость от сверстников и групповое давление, а также факторы личностного развития (в том числе возрастные аспекты), синдром гиперактивности и дефицита внимания, нарушения поведения, особенности пола, интеллектуального развития, стили родительского воспитания. Курт Бартол (Bartol, 2004) отмечает, что поведение преступников обусловлено многочисленными препятствиями, мешающими нормальному развитию. А лица, переживающие цепь неудач и страдающие от собственной неполноценности, склонны рассматривать многие аспекты своего окружения как потенциально опасные (Bandura, 1989).

Для данного исследования наибольший интерес представляет иная исследовательская парадигма, представители которой подходят к проблеме преступности с точки зрения процессов декриминализации. В рамках этого подхода решающая роль для объяснения процесса прекращения криминальной карьеры отводится анализу актуальных личностных отношений с друзьями, семьей или партнером и актуальным вовлечением в работу или учебу. Например, в результате исследования, проведенного в Штутгарте (Stelly W., Thomas J., 1998) в группе судимых молодых людей в возрасте от 17 до 22 лет, установлено, что изменение их моделей поведения является следствием оценки испытуемыми соотношения пользы и издержек преступных действий и принятие новых взрослых ролей при условии интеграции в трудовой процесс.

Трудности изменения привычных, в данном случае, криминальных моделей поведения, обусловлены тем, что в ситуациях выбора либо спонтанного действия срабатывают те установки личности, которые сформировались с той или иной степенью прочности в процессе социализации индивида. Ломка стереотипа, сдвиг этих установок – базовый процесс трансформации личности, изучение которого позволит определить мишени превентивных и коррекционных воздействий на личность судимых несовершеннолетних.

Во *втором разделе*, «Установки личности и детерминация их изменений», анализируется история изучения и современные концепции проблемы установочной регуляции деятельности.

В советской психологии наиболее развернутое исследование установки осуществили Д.Н. Узнадзе и его ученики и последователи (Прангишвили, 1967; Ходжава, 1960; Чхартишвили, 1971 и др).

Установка рассматривалась ими как сложное образование, определяющее направленность поведения. Узнадзе отмечает наличие двух основных условий, без которых акты поведения человека или какого-либо другого живого существа были бы невозможны. Это, прежде всего наличие какой-либо потребности у субъекта поведения, а затем и ситуации, в которой эта потребность могла бы быть удовлетворена. Это - основные условия возникновения всякого поведения и, прежде всего установки к нему. Установку можно рассматривать как особый модус субъекта. Узнадзе выделяет первичную и фиксированную установки. Для контекста данного исследования имеет значение мысль Узнадзе, что опыт не может непосредственно влиять на поведение субъекта, а оказывает влияние только через особое образование - только через установку (Узнадзе, 1961).

Установка как фактор, обеспечивающий идентичность личности, обуславливает константность поведения, его тождественность.

Данное исследование опирается на концепцию А.Г.Асмолова (1979), рассматривавшего понятие "установка" с позиций деятельностного подхода. Исследовав место и функции установочных явлений в деятельности субъекта, он разработал концепцию установки как механизма стабилизации деятельности. Будучи соотнесена с объективными факторами деятельности (мотив, цель, условия осуществления действия) и структурными моментами процесса деятельности (деятельность, действие, операция, психофизиологические реализаторы деятельности), установка выступает как иерархическая уровневая структура.

Ведущим уровнем установочной регуляции деятельности является уровень **смысловых установок**. Смысловая установка актуализируется мотивом деятельности и представляет собой форму выражения личностного смысла. **Целевая установка**, возникает в процессе целеобразования. Цель, представленная в форме образа осознаваемого предвидимого результата, актуализирует готовность субъекта к ее достижению и тем самым определяет направление данного действия. Под **операциональной установкой** понимается готовность к осуществлению определенного способа действия в ситуации решения задачи на основе учета и предвосхищения условий ситуации с опорой на прошлый опыт поведения в подобных случаях. Выделение установок различных уровней зависит как от объективного фактора, вызывающего установки, так и от того содержания сознания («значения» или «личностного смысла»), которое установки выражают в деятельности.

«Установки различных уровней стабилизируют движение деятельности, позволяя, несмотря на разнообразные сбивающие воздействия, сохранять ее направленность; и они же выступают как консервативные моменты деятельности, «барьеры внутри нас», затрудняя приспособление к новым ситуациям и феноменально проявляясь при столкновении развертывающейся деятельности с тем или иным препятствием» (Асмолов, 1979).

В нашем исследовании мы исходили из предположения о том, что степень выраженности тех или иных проявлений мотивационно-эмоциональной сферы личности зависит от того, к какому уровню регуляции поведения личности относятся эти проявления (Асмолов, Ениколопов, Иванченко, 1991). Они могут относиться к мотивационному уровню регуляции поведения личности в целом и в этом случае функционировать в форме смысловых установок личности. Однако все эти проявления,

например совершение преступных действий, могут относиться и к инструментальному операциональному уровню регуляции поведения и соответственно функционировать в форме операциональных установок, определяющих способы осуществления действий.

Таким образом, психологическим объектом воспитания является смысловая сфера личности, система личностных смыслов и реализующих их в деятельности установок. Из этого следует, что перевоспитание личности всегда идет через изменение деятельности, а тем самым, и через изменение смысловых установок и в принципе не может осуществляться посредством воздействий чисто вербального характера. Только установки целевого и операционального уровней подвержены прямому влиянию различных инструкций. Пути изменения установок смыслового уровня и установок нижележащих уровней коренным образом отличаются друг от друга: смысловые установки личности перевоспитываются, а целевые и операциональные – переучиваются (Асмолов, 1979).

В отношении преступного поведения криминологи выделяют *антиобщественную установку* как готовность в соответствии со своими взглядами, потребностями и интересами действовать вопреки интересам общества (Антонян, 1987). К.Е Игошев в зависимости от субъективных и объективных показателей выделяет ситуативную и личностную установки на преступную деятельность. *Ситуативная установка* представляет собой антиобщественную форму реагирования личности на ситуацию. Основным доминирующим элементом такой установки является эмоциональное состояние готовности реагировать определенным образом на сложившиеся обстоятельства. *Личностная установка* представляет собой такую готовность и предрасположенность к преступлению, которые основываются на твердо занятой антисоциальной позиции. Таким образом, по мнению Игошева, преступная деятельность во всех случаях есть форма объективизации установки личности на преступную деятельность: в большинстве случаев – ситуативной, реже – личностной (Игошев, 1974).

Итак, проанализировав существующие подходы к изучению природы преступного поведения, мы пришли к выводу, что необходимо перенести направление исследовательского внимания с процессов деструктивного характера на процессы позитивных личностных и поведенческих трансформаций.

Во **второй главе**, «Эмпирическое исследование динамики установок личности на примере лиц, судимых за уголовные преступления в несовершеннолетнем возрасте», приведены программа, анализ и обсуждение результатов исследования установок личности испытуемых, находящихся на разных стадиях вовлеченности в систему уголовного правосудия. Глава состоит из шести разделов.

В **первом разделе** в соответствии с целью, задачами и гипотезой работы представлены описание объекта, программы и этапов эмпирического исследования.

Основной массив исследовательских процедур был реализован в 2005-07 гг на базе Энгельсской ВК, СИЗО №1 (УФСИН по Саратовской области), Брянской ВК, Можайской ВК, Рязанской ВК для девочек, УИИ (уголовно-исполнительных инспекций) Энгельсского районного и Московских окружных отделений УВД, Энгельсского ПМСС-Центра «Позитив» и Сар РОО «Социум». В исследовании принимали участие 245 человек, совершивших уголовно наказуемые деяния в несовершеннолетнем возрасте. В выборку вошли 220 лиц мужского и 25 – женского пола.

Для сравнения результатов по некоторым показателям (цели, риски, факторы сдерживания) нашей выборки с несудимыми сверстниками было проведено

анкетирование в группе законопослушных молодых людей в возрасте от 15 лет до 21 года. Контрольную группу представляют 37 человек (59% юношей и 41% девушек): жителей Москвы и других регионов России, учащихся общеобразовательных школ, профучилищ, колледжей и вузов.

Во *втором разделе* дана развернутая характеристика исследуемых групп.

Для проверки выдвинутой нами гипотезы об изменении установок личности делинквентов в зависимости от этапа уголовно-правовой соотнесенности выборку разделили на три основные группы: 1) условно осужденные, 2) находящиеся в местах лишения свободы, 3) освободившиеся из заключения, которые для краткости в дальнейшем будут обозначены как группы УОС, МЛС и ОСВ. Базовые процессы, определяющие содержание установок, в нашем исследовании были представлены также количеством судимостей, сроком пребывания в неволе и возрастом испытуемых.

В группу **условно осужденных** (УОС) вошли 42 человека (18% от всей выборки). Возрастной диапазон – от 14 до 22 лет, 38 юношей и 4 девушки. Первоначально группа состояла из 59 человек, но в процессе работы 17 человек изменили свой статус, нарушив ограничительные предписания суда либо совершив новое преступление, и перешли на следующую ступень уголовного процесса. Основной вид преступлений – корыстные (31 человек – 74%), хулиганские действия – 6 человек (14%), прочие преступления 12%. Как правило, у всех одна, первая судимость. Опыт лишения свободы отсутствует или составляет меньше полугода (пребывание в ИВС и СИЗО в период следствия).

В группе **находящихся в местах лишения свободы** (МЛС) 158 человек, из них 17 девушек. Возрастной диапазон от 15 до 25 лет, половину составляют 16-18-летние, четверть - от 18 до 21 года. Половина испытуемых группы имеет только одну судимость, 14% больше двух. Из имеющих две или более судимостей большинство приговаривалось по нескольким статьям. 48% преступлений в группе составляют корыстные (средней тяжести и тяжелые), 25% - преступления против личности, 10% против сексуальной неприкосновенности, 11,5% - совершили хулиганские действия, 5% преступлений связаны с наркотиками. Большинство испытуемых (64%) имеют опыт пребывания в неволе от года до трех лет, 20% провели за решеткой меньше года, 16% - от 4 до 7 лет.

Группу **освободившихся из мест лишения свободы** (ОСВ) и длительное время (от 1,5 до 5 лет) не попадающих в поле зрения уголовного правосудия составили 45 человек. Первоначально их было 51, но 6 человек из них совершили рецидив и оказались снова за решеткой. В группе только 4 женщины. Несовершеннолетних здесь 8 человек (18%), основная возрастная группа 21-25 лет (55,6%), около 27% старше 25 лет. Возрастной перевес совершеннолетних в группе освободившихся обусловлен тем, что большинство выходит из колоний, особенно после длительных сроков или если осуждены незадолго до 18 лет, уже совершеннолетними.

В *третьем разделе* представлены описание и обсуждение результатов сравнительного анализа исследуемых групп на материале изучения риска рецидива, целевых установок и факторов отказа от совершения преступлений в уголовно-релевантных ситуациях.

Исследование факторов риска, влияющих на криминальный выбор несовершеннолетних, проводилось на основе авторского опросника, сформированного в процессе пилотного этапа. Сравнивая исследуемые группы по характеру оценки ситуаций с точки зрения их рецидивной провокационности, мы выявляем возможную степень готовности к противоправному способу реагирования на данную

ситуацию/состояние.

Степень криминогенности 20 факторов оценивались испытуемыми по 10-балльной шкале. Результаты приведены в таблице №1.

Таблица №1. Показатели средних значений оценки и рангов ситуаций риска (меньшему рангу соответствует большее значение).

№	Ситуации риска	Контр. Гр.		УОС		МЛС		ОСВ	
		Средн.	Ранги	Средн.	Ранги	Средн.	Ранги	Средн.	Ранги
1	стигма,отвержение по признаку судимости	4,4	9	4,7	8	6,3	8	5,1	7
2	безработица	3,6	15	3,3	12	5,0	16	3,9	12
3	отвержение значимыми лицами	4,1	13	6,7	2	7,8	4	6,7	4
4	припишут чужое преступление	4,5	8	2,8	15	5,5	12	4,8	9
5	асоциальность семьи	6,4	3	3,0	14	5,1	15	3,8	15
6	состояние опьянения	6,4	2	6,4	3	7,9	2	7,7	2
7	болезни или смерть родных	5,9	6	5,8	5	7,8	3	5,5	5
8	безденежье	6,1	4	6,3	4	6,6	6	6,9	3
9	бездомность	5,9	5	3,1	13	5,3	14	2,9	18
10	провокации криминальной компании	4,5	7	5,4	7	5,9	9	3,8	14
11	самозащита и защита близких	6,5	1	7,7	1	9,0	1	7,9	1
12	гнев, месть, аффективные состояния	4,2	10	3,6	10	6,3	7	4,0	11
13	Глупость, беспечность, бездумность	3,8	14	2,7	16	4,3	18	3,1	17
14	скука, незанятость, пустота	3,1	19	3,4	11	5,3	13	3,4	16
15	зависть, соблазн, жадность	3,2	17	3,8	9	5,8	10	3,8	13
16	в нашей стране честно не заработаешь	3,2	18	2,2	18	5,6	11	4,2	10
17	ошибка, трагическое стечение обстоятельств	4,1	11	2,3	17	5,0	17	4,9	8
18	сознат. желание совершить преступление	3,4	16	1,7	20	3,0	19	2,5	19
19	демонстративность	2,8	20	1,7	19	2,6	20	2,2	20
20	долги	4,1	12	5,8	6	7,5	5	5,2	6
	Групповой индекс риска	4,5		4,1		5,9		4,6	

Очевидно, что средний показатель риска (в таблице он назван групповым индексом риска) в группе МЛС значительно превышает таковой у всех, кто в данный момент находится на свободе: 5,9 против 4,1 (УОС), 4,6 (ОСВ) и 4,5 (КГр). За счет группы МЛС индекс риска всей выборки судимых равен 5,3 балла.

Если сравнивать рейтинги факторов риска, то мы увидим полное единодушие всех судимых и несудимых испытуемых: первое место безоговорочно отдано *ситуации защиты от нападения* (№11), но в группе МЛС индекс риска 9 баллов, а в КГр – 6,5. *Состояние алкогольного опьянения* (№6) – вторая по степени риска ситуация во всех группах, кроме УОС (3 ранг, второй – у ситуации *отвержения значимыми лицами*, №3). Третья позиция у всех групп различна. У группы МЛС это *болезни или смерть родных* (№7, 7,8 балла), у группы УОС *состояние опьянения* (6,4 балла), у группы ОСВ

отсутствие средств существования (№8, 6,9 балла), в контрольной группе – асоциальность семьи (№5, 6,4 балла). Самый низкий ранг у всех судимых получили: сознательное желание совершить преступление и демонстрация своей крутизны, а в КГр скука, незанятость и демонстративность (19 и 20 места). У несудимых и условно осужденных на 18-м месте оказалась криминогенность позиции в нашей стране хорошие деньги честно не зарабатываешь, у освободившихся – потеря жилья, у находящихся в МЛС – глупость, беспечность.

На графике (рис.1) мы видим, насколько отличаются в оценке криминогенности ситуаций судимые и несудимые молодые люди. Только четыре позиции (№5 - асоциальность семьи, №9 – бездомность, №18 – сознательное желание деликта и №19 - демонстративность) кажутся респондентам из контрольной группы более криминогенными, чем их судимым сверстникам.

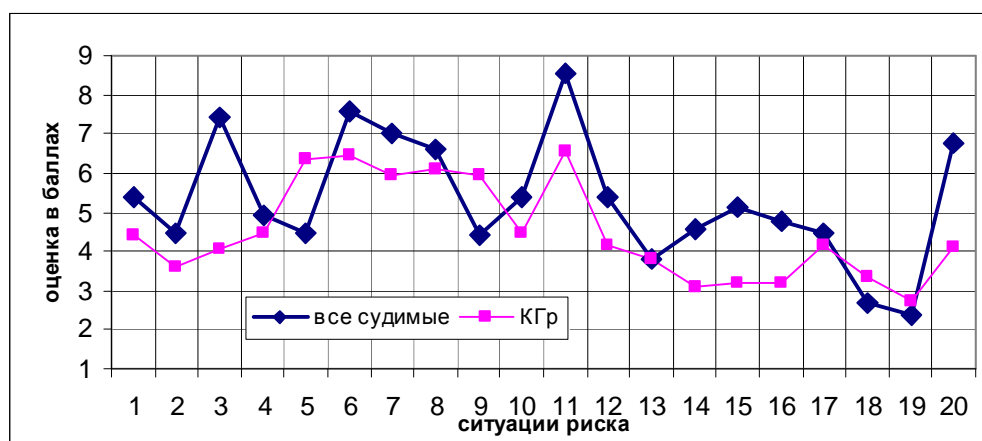

Рис.1. (*Линейные графики здесь и далее не отражает динамику процесса, а используются для наглядности).

Поскольку между группами МЛС и УОС значимые различия (на уровне $p \leq 0,01$) касаются восемнадцати из двадцати позиций, то стоит отметить те, в которых различий нет: это отсутствие средств существования (№8) и провокации криминальных компаний (№10), которые получили соответственно 6,6 – 6,3 балла (6 и 4 ранг) и 5,9 – 5,4 балла (9 и 7 ранг). Подавляющее большинство ситуаций находящиеся в МЛС испытуемые считают более криминогенными, чем их сверстники с условным сроком.

Средние значения оценки рисков в группе МЛС значимо выше ($p < 0,05$) показателей группы ОСВ по 14-ти позициям, а в оценке шести ситуаций (припишут чужое преступление, состояние опьянения, отсутствие денег, случайность-стечение обстоятельств, сознательное желание совершить преступление и вызов) различия незначимы.

Сходство мнений в оценке рисков между группами УОС и ОСВ касается уже четырнадцати позиций, поэтому остановимся на описании значимых различий. Группа УОС выше, чем группа ОСВ, оценивает криминогенность провокационного влияния дурной компании ($U=628,5$, $p=0,01$) и невозможности хорошо заработать честным путем ($U=559,5$, $p=0,001$), тогда как для испытуемых из группы ОСВ сильнее выражен риск пострадать за чужое преступление ($U=574,5$, $p=0,002$), совершить рецидив в состоянии алкогольного/ наркотического опьянения ($U=669,5$, $p < 0,05$) или по произвольному желанию ($U=695,5$, $p < 0,05$), а также стать жертвой трагического стечения обстоятельств ($U=397,5$, $p < 0,001$).

Сравнение показателей оценки рисков исследуемых групп с группой нормы

показало, что наибольшее число значимых различий (по 13-ти позициям) наблюдается с группой МЛС. Большинство из этих позиций в группе МЛС имеет более высокую оценку риска, кроме *асоциальности семьи* ($U=2048,5$, $p=0,01$), которой в контрольной группе присвоен 3 ранг и 6,4 балла (против 15-го ранга и 5 баллов в МЛС). Незначимые различия касаются позиций: *состояние опьянения, потеря жилья, глупость-беспечность, трагическая случайность, сознательное желание деликта и демонстративность*. Причем, на уровне тенденции группа находящихся в неволе выше оценивает риск *состояния опьянения*, а контрольная – риск фактора *случайного стечения обстоятельств* (например, убийство по неосторожности, ДТП, неумышленная порча чужого имущества и пр.).

Условно осужденные и несудимые по-разному оценивают риск совершения деликта по семи факторам. Значимо более высокий индекс криминогенного риска контрольная группа присваивает *асоциальности семьи* ($U=335$, $p<0,001$), *потере жилья* ($U=371,5$, $p<0,001$), *трагической случайности* ($U=418$, $p<0,001$) и возможности *быть обвиненным в преступлении, которого не совершал* ($U=527$, $p<0,05$). Группа УОС выше оценивает риск фактора *отвержения значимыми людьми* ($U=431$, $p=0,001$) и необходимости платить *долги*, в том числе игровые, криминальные ($U=526$, $p<0,05$). Меньше всего значимых различий установлено между группами **ОСВ** и **КГр**. Для освободившихся в большей степени чреват деликтом фактор *отвержения значимыми лицами* ($U=482$, $p=0,001$), а для контрольной группы факторы *асоциальности семьи* ($U=466$, $p=0,001$) и *потери жилья* ($U=381,5$, $p<0,001$). На уровне тенденции контрольная группа считает более криминогенной *невозможность много заработать честным путем*.

На примере данной выборки мы наблюдаем, как меняются оценки риска рецидива в сложных, провокационных, фрустрирующих ситуациях у испытуемых в зависимости от их уголовно-правового статуса. Относительно невысокие субъективные оценки криминогенности в период условного наказания резко возрастают по большинству факторов у тех, кто находится за решеткой, и снова снижаются (за исключением факторов внешнего порядка – *ложное обвинение и стечение обстоятельств*) после освобождения. Но следует учесть, что группу освободившихся у нас представляют испытуемые, устойчиво сохраняющие ориентацию на соблюдение социальных ожиданий. Поэтому оценка криминогенности факторов риска косвенно может свидетельствовать об изменении после выхода на свободу установок на способ реагирования в ситуациях потенциального рецидива. Интервью с освободившимися подтверждают это положение: у наших испытуемых повышается сопротивляемость провокациям, способность к самоконтролю за поведением, появляются ресурсы для удовлетворения материальных потребностей.

Исследование **факторов удержания от криминальных действий** в уголовно-провоцирующих ситуациях также было проведено с помощью авторского опросника, составленного на основе результатов пилотного анкетирования. Были выделены 9 факторов, представляющих собой мотивационные установки на удержание от деликта, выбор которых испытуемые делали, ретроспективно оценивая свой реальный опыт:

1. *Значимый другой* (готовность ради кого-то отказаться от совершения криминальных действий). В нашей выборке эту роль играли матери, любимые, вся семья, дети, в нескольких случаях удержание происходило ради «себя самого». В единичных случаях в качестве референтного лица, мысли о котором тормозили деликт, названы были психолог ВК, учитель, представитель общественной организации, коллеги по работе и даже жители родного поселка.

2. *Наличие важной и осознанной цели*, достижение которой после совершения преступления будет невозможно, например, стать военным или уехать на ПМЖ за границу, не потерять работу или жилье, закончить обучение и т.п.

3. *Здравый смысл, рациональная и прагматическая оценка последствий вероятного деликта* (результат не соответствует затраченным усилиям и вероятным потерям, недоверие к поделщикам, осознание «провальности» затеи).

4. *Стремление избежать санкций* (страх мести со стороны потерпевших, боязнь попасть в тюрьму).

5. *Моральные соображения* (совесть, сочувствие потенциальной жертве, нежелание причинить боль, идентификация с жертвой, осознание данного преступления как греха).

6. *Лень, нежелание напрягаться, апатия, отсутствие интереса к «делу»* («неохота было»).

7. *Осторожность, разумная трусость* (умение избежать опасной ситуации, игнорировать провокации).

8. *Наличие других вариантов поведения для достижения желаемого* («зачем красть, если можно заработать», «вернуть свое можно через суд, не прибегая к мордобой» и т.п.).

9. *Внешнее вмешательство* (кто-то удержал, позвонил телефон, спугнули).

Общие тенденции в выборе сдерживающих факторов у судимых и правопослушных молодых людей наглядно выражены в графике (рис.2).

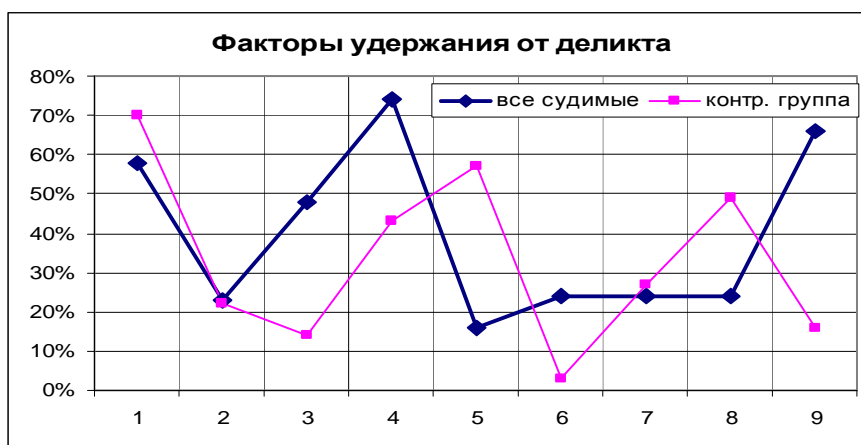

Рис. 2.

По оси Y: показатели частоты выбора в процентах. По оси X: Факторы сдерживания.

В группе нормы чаще всего «работает» фактор *значимый другой* (70%) и факторы *морального порядка*: совесть, сочувствие, уважение к правам других людей, - их выбирают 57%. Всего 3% респондентов в уголовно-релевантной ситуации остановила *лень, отсутствие интереса* к «делу», и 14% - *прагматизм, здравый смысл*.

В выборке судимых иная тенденция удержания от деликта: на первом месте по частоте выбора здесь фактор *страха перед возможным наказанием*, нежелание попасть в тюрьму (74%), на втором (66%) – фактор *случайности, вмешательство внешних сил*. Меньше всего (16%) судимых, вспомнили, что их остановили от совершения преступления *моральные соображения*, хотя в количественном выражении это 37 человек, что уже немало. Наибольшие расхождения между группой судимых и контрольной (по Н-тесту Манна-Уитни, $p < 0,01$) мы наблюдаем в частоте выбора

факторов *здоровый смысл* ($U=2954,50$), *страх наказания* ($U=3101,50$), *внешнее вмешательство* ($U=2249,00$), *лень, безразличие* ($U=3525,00$) - здесь судимые делают больше выборов, а также *другие способы поведения* ($U=3353,50$) и *моральные соображения* ($U=2639,00$) – здесь лидируют несудимые. Факторы *значимый другой*, *наличие цели и осторожность* достоверно различными не являются.

Установлены значимые связи факторов сдерживания с возрастом, полом, уровнем образования, опытом пережитого насилия и характером социальной поддержки (здесь и далее вероятность ошибки $p < 0,05$ отмечена знаком *, $p < 0,01$ – **, $p < 0,001$ – ***). Чем трагичнее пережитой опыт, тем менее склонны испытуемые при принятии решения об удержании от деликта принимать во внимание мнение *значимых людей* ($\chi^2=16,62^{**}$, снижение с 72 до 41%), руководствоваться *привлекательной целью* ($\chi^2=20,19^{***}$, с 38 до 12%), использовать *умение избежать опасности* ($\chi^2=10,28^*$, с 36 до 13%) и избирать *другие способы* достижения желаемого ($\chi^2=16,7^{**}$, с 39 до 11%). Но зато возрастает ориентация на случайный фактор *внешнего вмешательства* ($\chi^2=19,64^{**}$, с 38 до 82%). Наличие социальной поддержки (от «*никого нет*» до «*есть реальная помощь*») также значимо связано со всеми факторами сдерживания, кроме *лени, апатии* (здесь и далее вероятность ошибки $p < 0,01$). Чем больше возможностей у испытуемых опереться на чью-то помощь, тем чаще их останавливают от деликта мысли о *значимых людях* ($\chi^2=67,7$), *важность поставленных целей* ($\chi^2=33,58$), *прагматичная оценка последствий* деликта ($\chi^2=21,7$), *моральные соображения* ($\chi^2=31,67$), *умение избежать провокаций* ($\chi^2=21,1$) и *знание других способов* достижения желаемого ($\chi^2=54,27$) и заметно (с 84 до 43%) снижается роль *внешнего вмешательства* ($\chi^2=21,7$).

Для изучения **целевых установок** испытуемых применен опросник «Цели и средства». В таблице № 2 приведены средние значения оценки важности и ранги целей в изучаемых нами группах – МЛС (находящихся в местах лишения свободы), УОС (условно осужденных) и ОСВ (освободившихся из МЛС).

Таблица № 2. Показатели оценки целевых позиций в выборке судимых.

Цели	УОС		МЛС		ОСВ	
	средние	ранг	средние	ранг	средние	ранг
1. получить УДО	9,5	2	8,3	5	7,8	5
2. прощение пострадавших	6,9	9	4,7	11	5,5	11
3. не нарушать закон	6,6	10	7,5	8	6,7	8
4. наладить отн. с близкими	8,4	5	8,8	2	8,7	3
5. найти работу по душе	7,7	6	8,1	6	6,9	7
6. не попасть за решетку	9,6	1	8,5	4	9,0	1
7. иметь много денег	7,3	8	7,6	7	7,3	6
8. продолжить образование	7,4	7	7,1	9	6,3	9
9. заслужить уважение на свободе	8,9	3	8,6	3	8,2	4
10. измениться, исправиться	6,3	11	7,1	10	6,1	10
11. создать здоровую семью	8,8	4	9,4	1	8,8	2

Значимые различия в оценке важности целей наблюдаются в позициях:

1. между группами УОС и МЛС: для условно осужденных важнее, чем для заключенных получить *прощение пострадавших* ($U=1972,5$, $p=0,000$) и *не попасть за решетку* ($U=2417$, $p=0,01$);
2. между группами МЛС и ОСВ: в местах лишения свободы испытуемые более важной считают необходимость *измениться, исправить свои недостатки*

($U=2714$, $p=0,05$) и *создать здоровую семью* ($U=2888$, $p=0,05$); на уровне тенденции для испытуемых в МЛС важнее *не нарушать закон в дальнейшем, найти работу по душе, иметь много денег и продолжить образование*.

3. между группами УОС и ОСВ: для условно осужденных на данном этапе значимо важнее получить *прощение пострадавших* ($U=672$, $p=0,05$) и *продолжить образование* ($U=677$, $p=0,05$).

Особенно нас интересовало соотношение в исследуемых группах степени важности целей *не нарушать закон* и *не попасть в места лишения свободы*. Эти цели отражают различный характер установок личности по отношению к закону. Если первая характеризует установку на правопослушное поведение, то вторая свидетельствует о наличии установки на избегание наказания, т.е. возможно, на более осмотрительное поведение, в том числе, в процессе совершения преступления. Значимых различий в оценке степени важности соблюдения закона между группами нет, а в установке на избегание лишения свободы различаются только условно осужденные и заключенные. Также нет значимых различий в этих позициях и в зависимости от характера преступлений. Очевидно, что ранговые места целей в исследуемых группах меняются мало. Особенно устойчивой целевой позицией является низкая значимость необходимости получить *прощение пострадавших, исправиться/измениться и соблюдать закон*. Этот комплекс мало значимых целей является predisпозицией продолжения криминального поведения.

Степень важности тех или иных целевых позиций (ориентация на цель) подкрепляется готовностью к действиям по их реализации (ориентация на средства). В данном контексте нам важно было рассмотреть соотношение содержания главных целей с готовностью респондентов к поступкам, часть которых можно отнести к разряду жертв и испытаний, часть носит инструментальный характер и является средством реализации цели.

Значимая положительная связь обнаружена в следующих комбинациях:

1. С намерением **не нарушать закон** коррелируют *готовность отказываться от удовольствий и пьяных компаний* ($\rho=0,265^{***}$ и $\rho=0,259^{**}$).

2. Высокая важность получения и **продолжения образования** прямо связана с готовностью *упорно учиться* ($\rho=0,353^{***}$), которая в свою очередь коррелирует со стремлением **измениться, исправить свои недостатки** ($\rho=0,236^{***}$).

3. Стремление **иметь много денег**, связано с готовностью совершить подлость или предательство ($\rho=0,255^{***}$).

Отсутствие сильных корреляций целей с готовностью идти на ограничения и испытания иллюстрирует слабость и низкую побудительную силу декларируемых испытуемыми целевых установок.

Каков в целом репертуар готовности к испытаниям ради своих целей в исследуемых группах, показывает частота выбора испытуемыми перечисленных в опроснике позиций, отраженная в графике (Рис. 3):

Как видим, по ряду позиций разница выборов готовности к испытаниям между группами достаточно заметна. В целом, группа условно осужденных в меньшей степени готова к ограничениям и испытаниям (процент выбора ниже, чем в двух других группах, по абсолютному большинству позиций, кроме готовности упорно учиться, что обусловлено их возрастом и статусом).

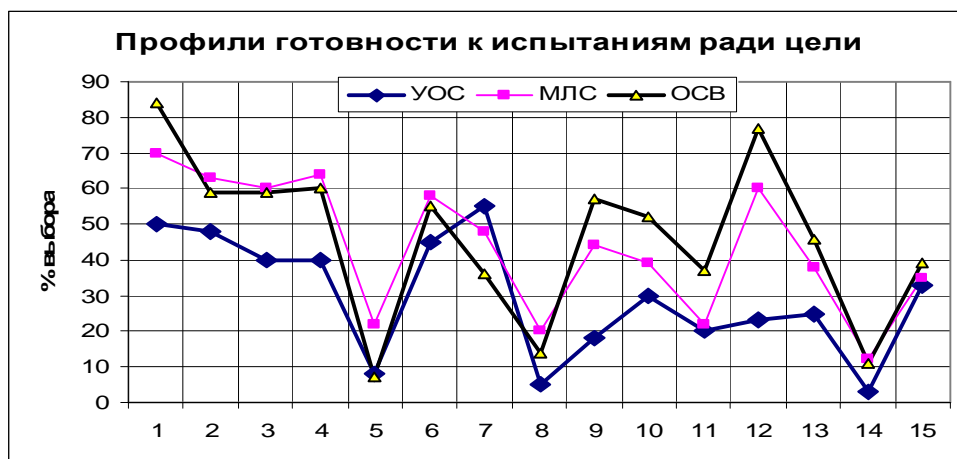

Рис.3.

Ради цели готовы:

- 1.терпеть физическую усталость
- 2.терпеть физическую боль
- 3.отказываться от удовольствий
- 4.избегать пьяных компаний
- 5.пожертвовать жизнью
- 6.много и тяжело работать
- 7.упорно учиться

- 8.терпеть унижения
- 9.терпеть недостаток денег
- 10.жить в разлуке с близкими людьми
- 11.обслуживать чужие интересы
- 12.переехать в другую местность
- 13.потерять прежних друзей
- 14.совершить подлость, предательство
- 15.нарушить закон

Соотношение в группах частоты выбора и рейтинга позиции **готовность нарушить закон** (УОС – 33%, 7 место; МЛС – 35%, 11 место; ОСВ – 39% и 10 место), при манифестируемой важности соблюдения закона и сверхважности стремления не попасть в МЛС, позволяет оценить это несоответствие, как достаточно высокий уровень риска рецидива во всей выборке.

Прогноз будущего изучался в данном контексте, как проекция установки испытуемых на выбор определенной модели поведения. В опросник «Риски рецидива» был включен вопрос о том, насколько для испытуемых велик риск (снова) оказаться в местах лишения свободы. Категория будущего в этом вопросе связана с конечной санкцией общества по поводу совершенного преступного действия, которое неявно предполагается в содержании ответа. Подобная формулировка снижает эффект социальной желательности, смещая локус внимания испытуемых с собственной ответственности за предполагаемое решение на оценку благосклонности судьбы.

Рассмотрим сначала, каков самопрогноз в исследуемых нами группах МЛС, УОС и ОСВ (в сравнении с группой несудимых респондентов). На графике (Рис.4) приведены частотные показатели ответов в % от количества участников групп.

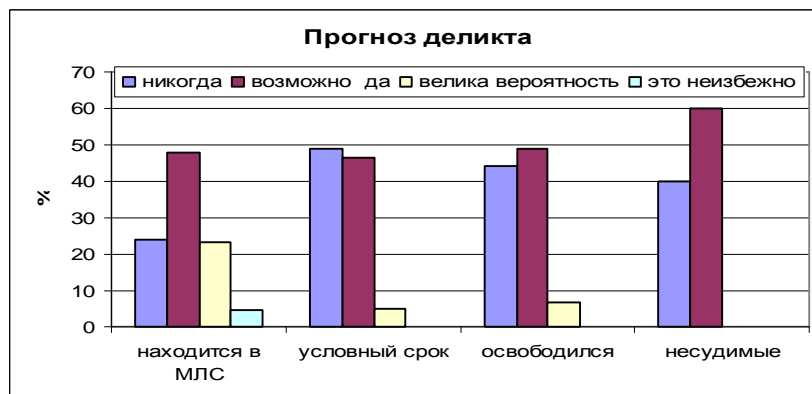

Рис.4. Частота выбора прогноза деликта в группах (в %).

Варианты ответов:

- 1 – со мной никогда не произойдет ничего подобного;
- 2 – возможно, да, «от суммы и от тюрьмы» никто не застрахован;
- 3 – велика вероятность;
- 4 – для меня это неизбежно.

Значимые различия (χ^2 Пирсона) и достоверные корреляции обнаружены нами в следующих позициях. Срок пребывания в местах лишения свободы отрицательно коррелирует с прогнозом рецидива ($\rho=-0,279^{**}$): чем больше времени испытуемые провели за решеткой, тем более пессимистичен их взгляд в будущее. Значимая отрицательная связь установлена между прогнозом и уровнем образования ($\rho=-0,247^{**}$): чем выше образовательный ценз испытуемых, тем больше количество ответов «никогда» и меньше – «велика вероятность». Значимые корреляции с прогнозом обнаруживает опыт пережитого насилия ($\rho=-0,327^{**}$): у ребят, имевших подобный опыт, преобладает неблагоприятный прогноз рецидива.

Представляет также интерес влияние на прогноз характера социальной поддержки, как понимают ее испытуемые ($\rho=-0,517^{**}$). В эту категорию вошли четыре градации социальной поддержки: *никого нет, имеющиеся близкие помочь не могут или не хотят, есть готовые помочь люди (причем, не обязательно родные) и есть реальная помощь*.

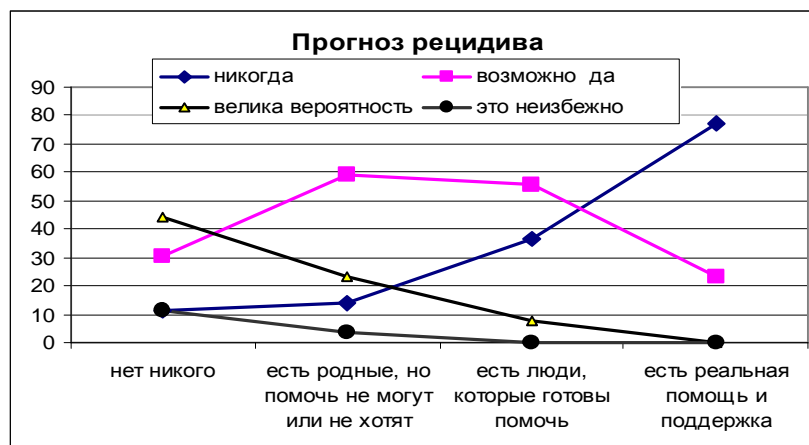

Рис.5. Выбор прогноза рецидива в зависимости от характера социальной поддержки (в %).

На графике видно, как от первой к четвертой градации растет количество (%) испытуемых, отрицающих возвращение к криминальному поведению, и снижается количество мрачных прогнозов «велика вероятность» и «это неизбежно». Колебание ответов в варианте «возможно, никто не застрахован» (снижение выбора на полюсах «нет ресурса – реальный ресурс» и повышение в зоне гипотетического ресурса) иллюстрирует очевидную позицию: судимые испытуемые не уверены, что справятся с задачей не попасть больше за решетку. И чем больше ресурс поддержки, тем выше их уверенность в благоприятном прогнозе будущего.

Мы установили наличие слабой, но значимой отрицательной связи (ρ Спирмена) прогноза рецидива с целями: *продолжить образование* ($\rho=-0,364^{**}$), *не нарушать закон в дальнейшем* ($\rho=-0,295^{**}$) и *не попасть в места лишения свободы* ($\rho=-0,269^{**}$). Чем более вероятным считают испытуемые новое попадание в МЛС, тем менее важными представляются им перечисленные цели. Или, чем меньше ориентированы они на эти цели, тем более вероятен новый виток деликта.

Исследование **связи установок на отказ от совершения преступных действий с направленностью преступных действий и готовностью к испытаниям ради цели** осуществлялось с помощью модели многомерного шкалирования (ALSCAL).

Содержание шкал определялось на основании величин проекций заданных параметров. Полноса шкал образованы максимальными значениями факторов. Значение шкал для всех трех групп получилось идентичным.

Измерение 1 (ось X) в нашей модели характеризует **направленность преступных действий**: левое поле значимо выделяет *корыстную направленность* (абсолютные значения фактора в группе УОС=2,84, МЛС=1,86, ОСВ=0,85), правое – *насильственную* (значения факторов: преступления против личности, сексуальной неприкосновенности, хулиганские действия, - все выше единицы).

Измерение 2 (ось Y) представляет **характер установок на удержание от рецидива**. Верхняя плоскость – *активные установки*, предполагающие личную активность, нижняя плоскость – установки *пассивные*, не требующие активности субъекта.

На диаграммах (Рис. 6-8) представлена итоговая конфигурация объектов, представляющая их взаимоотношения в исследуемых группах и характеризующая различия между группами в отношении готовности к удержанию от деликта в зависимости от характера преступной направленности и установок на способы реализации целей.

Таблица № 3. Значения группируемых показателей на рисунках 6-8:

Сокращения	Расшифровка значений	Сокращения	Расшифровка значений
	Насильственная направленность		разлука с близкими
пр_личн.	Преступления секс. хар-ра	разлука	
секс_пр	Корыстная направленность	обслуж	обслуживать чужие интересы
корыст	Сбыт наркотиков	переезд	переехать в другую местность
нарк	Хулиганство	отв_друз	потерять друзей
хулиган	замена условного	подлость	совершить подлость, нарушить закон
зам_усл.	Далее готовность:	н_закон	
устал	терпеть усталость	зн_друг	фактор <i>значимый другой</i>
боль	терпеть физич. боль	цель	фактор значимой цели
	отказ от удовольствий	прагмат	Прагматич. оценка последствий
огр_удов			
не_пить	отказ от пьян.компаний	страх_н	страх наказания
жизнью	пожертвовать жизнью	мораль	Моральные соображения
работать	много и тяжело работать	лень	Фактор лени
	учиться	осторож	фактор <i>осторожности</i>
учиться			
	терпеть унижения	др_спос	знания других способов поведения
унижен			
бедность	терпеть недостаток средств	внеш_вм	внешнее вмешательство

Выведенная конфигурация стимулов

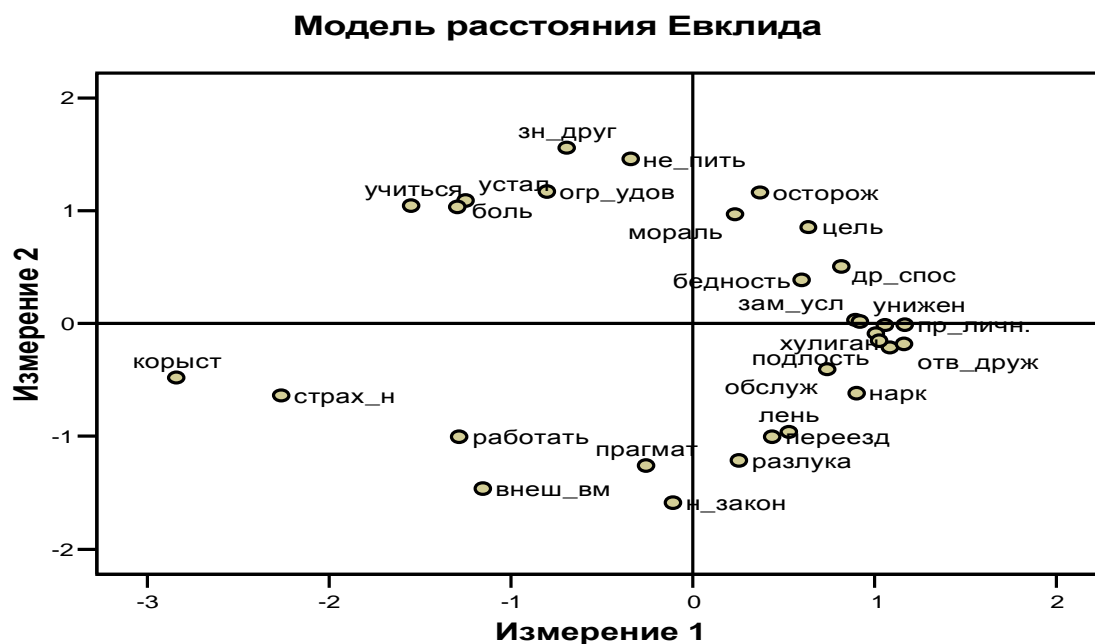

Рис.6. Пространственная модель диспозиций для группы условно осужденных.

На диаграмме группы УОС (рис.6) видно, как плоскость, образованная радикалом корыстной направленности четко распадается на несколько взаимно удаленных группировок, в которых ключевыми факторами оказываются факторы удержания от рецидива: установка на *внешнее вмешательство* в момент потенциального деликта соседствует с готовностью *много и тяжело работать*, мало значимый фактор *прагматической оценки* последствий – с готовностью ради цели *нарушить закон*, а *страх наказания* «притягивает» *корыстную* направленность. Нахождение в одном секторе с пассивными сдерживающими факторами установки на *здравый смысл* (*прагматическая оценка последствий* деликта с точки зрения его невыгодности) указывает на то, что для группы УОС этот фактор не обеспечен личностной активностью испытуемых и потому вряд ли сможет эффективно тормозить криминальные действия корыстной направленности. В секторе установок на активные действия по удержанию от насильственного деликта находятся только сами сдерживающие факторы (*умение избегать провокаций, моральные соображения, значимая цель и знание других способов поведения*), не поддержанные никакими установками на испытания и ограничения, кроме пассивной готовности терпеть недостаток материальных средств. Что характеризует упомянутые факторы сдерживания с точки зрения слабости их личностных смыслов, не обеспеченных к тому на операциональном уровне установками на их реализацию.

В группе МЛС ось Y (степень активности установок на удержание от рецидива) четко развела по разные стороны от нуля графика *сдерживающие факторы*, сгруппированные с точками проекций преступных деяний (в нижнюю плоскость пассивных установок), и *все факторы готовности к действиям* ради цели (в верхнюю плоскость активных, операциональных установок), ни одна из которых к тому же по своему факторному значению не дотягивает даже до единицы (рис.7).

Выведенная конфигурация стимулов

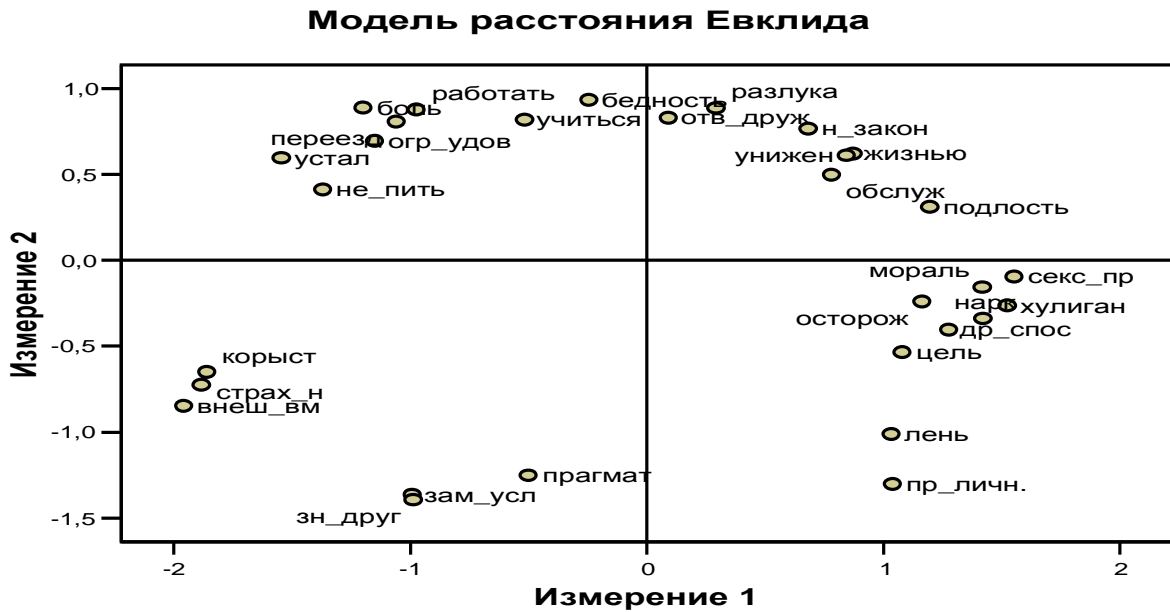

Рис.7. Пространственная модель диспозиций для группы находящихся в колонии.

Однако, группировка готовностей к испытаниям сохраняет свое деление (как и в группе условно осужденных) относительно направленности характера преступлений. К полюсу корыстного деликта тяготеют социально продуктивные готовности к самоограничениям и саморазвитию, а к полюсу насильственного – готовности негативного характера (терпеть унижения, отвержение друзей, совершить подлость, и даже пожертвовать жизнью, и нарушить закон).

Рис.8. Пространственная модель диспозиций для группы освободившихся.

Выведенная конфигурация стимулов

В группе ОСВ (рис. 8) меняются полюса второй шкалы (*фактор активности установок на удержание от деликта*): здесь установки, требующие личностной активности, оказались внизу относительно оси X, а установки, не требующие активности субъекта – вверху. Уменьшилась факторная значимость корыстного деликта. По-прежнему оставаясь связанным с фактором *страха наказания*, он получает опору в виде *готовности переехать в другую местность*. Готовности к самоограничениям (не пить, терпеть безденежье и боль, ограничивать себя в удовольствиях) сгруппированы вокруг оси X, т.к. имеют низкие значения по фактору активности-пассивности установок и тяготеют, хотя и относительно слабо к фактору сдерживания *значимый другой*. Сдерживающий фактор *морального* порядка в этой группе оказался не включенным ни в какие группировки, но также как у всех судимых испытуемых он находится в поле насильственного радикала преступлений.

Возможно, это вызвано тем, что сдерживающий потенциал морального фактора в нашей выборке направлен преимущественно на преступления против личности, имеющих насильственную природу и представляющую особую опасность. Тогда как корыстная мотивация поступков такой моралью допускается. И действенным рычагом управления по отношению к корыстным преступлениям остается только страх наказания.

Четвертый раздел посвящен описанию личностных особенностей исследуемой группы, характера их самооценки и идентификации, а также исследования семантической репрезентации «образа мира» в группах испытуемых с судимостью.

Данные о личностных характеристиках испытуемых были получены с помощью 16-факторного личностного опросника Р.Кеттела.

В группе условно осужденных (**УОС**) относительно высокие средние значения по факторам О, N, F свидетельствуют о преобладании в структуре личности тревожности, ранимости, склонности к чувству вины, а также о сочетании беспечности и расчетливости.

В группе лишенных свободы (**МЛС**) профиль личности имеет три пика по факторам L, F, O (размах показателей от 5,6 до 6,6), что также не достигает границ высокого уровня выраженности факторов, но характеризует группу, как склонную к подозрительности, настороженности, раздражительности, импульсивному поведению по принципу «авось пронесет», с тенденцией к тревожности, подавленности и неуверенности. У группы освобожденных (**ОСВ**) в первой триаде оказались факторы H, L, N (диапазон стеновых баллов 5,12 – 6,55). Таким образом, по фактору L (подозрительность) они сходны с группой МЛС, по фактору N (расчетливость) – с группой УОС, а социальная смелость (фактор H), лидируя у освобожденных, в двух других группах занимает лишь четвертое место. Кроме того, в группе ОСВ третье место по среднему значению также занимают факторы F и E (импульсивность и доминантность). Факторы с наименьшими показателями средних значений во всех трех группах одинаковы: фактор В (2,77 в группе УОС, 3,27 в группе МЛС, 4,15 в группе ОСВ) и фактор Q1 (4,46; 4,2 и 4,51 соответственно).

Характеристики групп по самооценке волевых качеств. Ранговое преобразование самооценочных данных выявило значимые отличия в группах. Триада лидирующих с обоих полюсов качеств в группах выглядит следующим образом. Условно осужденные более высоко оценивают у себя *уверенность, энергичность, жизнерадостность*. Находящиеся в МЛС преимущественно ценят в себе *решительность, самостоятельность, ответственность*, также как и освобожденные из МЛС (у них поменялись первое-второе места).

Все три группы единодушно ставят на последнее место такое качество как *одаренность*, но у заключенных его средняя оценка почти на балл ниже, чем у их свободных сверстников (4,7 против 5,8-5,6). Условно осужденные также низко оценивают свою *дисциплинированность, инициативность и деловитость*, находящиеся в МЛС – *счастье, инициативность*, а освободившиеся – *счастье и жизнерадостность*. И во всех трех группах на четвертом месте с почти равными баллами оказалась *смелость*. Волевые качества личности среди высоко оцененных у себя испытуемыми практически не отмечены.

Векторы идентификации, построенные на сопоставлении самооценки с оценками категорий «все осужденные» и «все несудимые», для всей выборки в целом таковы. Себя испытуемые воспринимают как *решительных, самостоятельных, ответственных и смелых*, но при этом *мало одаренных, несчастных, безынициативных и неприспособленных* людей. Все осужденные, по их мнению, обладают таким же набором достоинств, правда, менее выраженных, и столь же вескими недостатками, к которым прибавляется еще и *недисциплинированность*. Все остальные сверстники, не имеющие судимости, хотя почти также как они *мало одарены и дисциплинированы*, не столь *принципиальны и выносливы*, тем не менее, в массе своей *здоровы, жизнерадостны, счастливы, уверены в себе и энергичны*. Идеальная же модель недостижима по определению - по баллам даже последнее по рангу качество «настоящего мужчины» оценивается выше лидирующих у себя и остальных.

Для испытуемых группы УОС характерна достоверно более высокая самооценка по сравнению с оценкой ими «всех осужденных», и сходство подавляющего большинства оценки собственных качеств с оценкой качеств «всех несудимых», что указывает на их идентификацию с сообществом правопослушных сверстников.

Группа находящихся в МЛС оценивает в целом качества личности «всех осужденных» ниже собственных, полагая себя даже ближе к идеалу, чем, по их оценке, являются «все несудимые». Таким образом, возможно, проявляется подсознательное отрицание своей принадлежности к сообществу судимых. А завышение самооценки по сравнению с оценкой всех несудимых свидетельствует о низкой критичности к себе и является защитной реакцией испытуемых в ответ на социальную депривацию.

У освободившихся имеет место неразделимость представлений о себе, обо всех заключенных и несудимых людях, что метафорически можно обозначить, по словам одного из испытуемых, как «уже не с ними, еще не с вами».

Исследование уровня сформированности моральных суждений по опроснику Колберга) выявило значимые различия между группой освободившихся и двумя другими на преконвенциональном уровне: у освободившихся самый низкий показатель эгоцентрического отношения к морали (хорошо то, что доставляет мне удовольствие) – значимость по критерию $\chi^2(2)=8,900$, $p=0,01$. На уровне конвенциональной морали (ориентация на групповые нормы) значимо лидирует группа заключенных ($\chi^2(2)=10,349$, $p=0,01$). На постконвенциональном уровне (действия на основе личных принципов, ориентированных на общечеловеческие ценности) выходит вперед группа освободившихся, значимо опережая остальных испытуемых ($\chi^2(2)=6,755$, $p<0,05$). Но эти изменения обусловлены в большой степени возрастными факторами.

Исследование семантической репрезентации «образа мира» в делинквентных группах было проведено на основе иерархического кластерного анализа результатов цветового ассоциирования 53 понятий, характеризующих эмоционально-смысловое содержание отношений (к себе, времени, проблемам, преступлению и пр.) - методика пространственных метафор И.А.Соломина. Сравнение дендрограмм трех исследуемых

групп выявило изменение структуры семантической организации в зависимости от переживаемого опыта контакта с правоохранительной системой.

В группе УОС смысловое деление на кластеры не имеет четкой дифференциации по эмоционально-оценочным основаниям. В групповой системе значений понятия криминального и некриминального круга пересекаются на относительно высоком уровне сходства, а их оценки и направленность имеют конфликтную, противоречивую окраску.

В группе МЛС субъективный образ мира поляризуется по архисемам СВОБОДА и ПРЕСТУПЛЕНИЕ–НАКАЗАНИЕ, и понижаются уровни сходства, соединяющие понятия в кластеры. Мир свободы представлен идеализированными значениями, «очищенными от скверны» реального мира, в котором понятия криминального круга значимо связаны с понятиями, окрашенными негативными эмоциями.

В группе ОСВ по сравнению с двумя другими изменяются состав и связи между элементами внутри некоторых кластеров: поляризация происходит между архисемами НАКАЗАНИЕ и МОЙ ДОМ, а включенные в них элементы соединяются на более высоком уровне сходства. Причем, понятия из числа относящихся к криминальной жизни испытуемых, снова включаются в ближний круг «мирной» жизни, характеризуя ее эмоционально-оценочную неоднозначность.

Пятый раздел содержит результаты качественного анализа материалов интервью, рефлексивной продукции испытуемых и индивидуальных случаев, а также описание стратегий удержания от рецидива судимой молодежи на пост пенитенциарном этапе ресоциализации. Представлены характеризующие группу освободившихся процессы смены ориентации на способы действия при мало выраженных изменениях смысловых и целевых установок. Например, у части испытуемых (38 %) при внешнем социально-нормативном поведении наблюдается:

1. изменение характера деликта (например, отказ от банальной уголовщины в пользу экономических и интеллектуальных преступлений – мошенничества, афер, нелегального бизнеса /исп. Дмитрий К. – реализация цветных металлов, исп. «Старик» – продажа безакцизной водки и т.п./);
2. сужение диапазона привычных криминальных действий (от сбыта наркотиков к их хранению, от самостоятельных насильственных действий к подстрекательству и пр. /исп-е Владимир и Павел – наркоманы, исп. «Митя-Косой» – «отыгравший тренер, только консультации для молодняка»);
3. коррекция процесса деликта, т.е. трансформация спонтанной криминальности в продуманное поведение (появление осмотрительности, тщательное планирование, анализ процесса, сокрытие улик /исп. «Старик» – «использую подставных посредников, водилы мои меня не знают»).

Остальные допускают нарушения закона в более мягких вариантах и только двое сознательно и упорно избегают любых криминальных провокаций.

Тем не менее, у всех освободившихся из нашей выборки присутствует ориентация на одобрение окружающих (цель *заслужить уважение на свободе* стоит в группе на втором месте, а сдерживающий фактор *значимый другой* – на первом), что указывает на эффективность мер неформального социального контроля, столь важного с точки зрения *теории удержания* (Jensen, Erickson, 1978, Williams, 1985 et al.). Исследования в этой области наглядно доказывают, что неформальные санкции оказывают на девиантное поведение значительно более мощное воздействие, чем формальные юридические санкции.

Титтл считает, что «в той степени, в которой страх удерживает индивидов от социально отклоняющегося поведения, в той же степени этот страх, скорее всего, вызван боязнью потерять статус или уважение среди своих знакомых или внутри общины в целом» (Tittle, 1980). При рациональном сравнении «затрат и выгод» преступления утрата уважения для большинства людей перевешивает формальное наказание. Видимо поэтому, сохраняя противоправную направленность деятельности, часть испытуемых из группы освободившихся так стремится интегрироваться в социально одобряемые сферы жизни, что позволяет надеяться на дальнейшее изменение у них установок уже более высокого уровня.

Третья глава «Принципы и подходы к профилактике и предупреждению повторной преступности среди подростков и молодежи» носит рекомендательный, внедренческий характер и состоит из четырех разделов.

Первый раздел «Социально-психологические проблемы ресоциализации и реабилитации лиц, осужденных за уголовные преступления в несовершеннолетнем возрасте», посвящен анализу проблем, которые неизбежно сопровождают процессы возвращения в общество осужденных на разных стадиях их уголовно-правового статуса. Рассматриваются также основные направления проектной активности общественных организаций, работающих с криминально пораженными группами населения.

Во **втором разделе** «Опыт реализации ресурсных, позитивных концепций работы с личностью в местах лишения свободы и после освобождения из МЛС» представлено описание авторской модели индивидуального тренинга мотивации к изменениям (на основе концепции мотивационного интервьюирования Miller and Rollnick, 1991). Анализируется опыт реализации ресурсных, позитивных концепций работы с личностью в местах лишения свободы и после освобождения из МЛС в России и за рубежом.

В **третьем разделе** «Влияние программ личностного роста на выбор факторов отказа от криминальных действий» приведены результаты исследования связи характера участия осужденных в программах личностного роста и социально-психологического сопровождения с выбором факторов/мотивировок отказа от совершения криминальных действий в уголовно-провоцирующих ситуациях. Статистически значимые различия репертуара сдерживающих факторов ($p < 0,001$) в зависимости от характера участия в программах личностного развития (*не участвовал–участвовал эпизодически–несколько групповых тренингов–комплексный курс*) мы обнаруживаем только в отношении факторов *ради цели, исключающей рецидив* ($r=0,284$), *знание других способов поведения* ($r=0,322$), а также фактора *прагматичная оценка последствий* ($r=0,290$): с усилением личностной работы растет выбор этих факторов сдерживания. Не установлено значимой связи с факторами *моральные устои и умение избежать провокации*. Выбор этих факторов определяется характером всей предыдущей социализации и реального опыта испытуемых.

В **четвертом разделе** «Обоснование необходимости создания института сопровождения процесса постпенитенциарной адаптации лиц, осужденных к лишению свободы в несовершеннолетнем возрасте» дан анализ опыта Германии по организации системы социального сопровождения несовершеннолетних правонарушителей. Обоснованы предложения нового содержательного наполнения условной меры наказания альтернативными формами социального контроля (например, в русле технологий восстановительного правосудия и ювенальной юстиции), а также создания дополнительного звена социального сопровождения постпенитенциарной адаптации

лиц, осужденных к лишению свободы в несовершеннолетнем возрасте (например, по типу службы пробации).

В заключении подводятся основные итоги проведенного исследования и формулируются выводы и рекомендации.

Анализ проведенного нами исследования позволил сделать следующие **выводы**:

1. Процесс контакта несовершеннолетних с правоохранительной системой (осуждение за совершенные преступления, лишение свободы, освобождение после отбывания наказания) сопровождается изменением установок личности, что и было установлено в данном исследовании. Все три обследованные группы продемонстрировали различия в содержании установок различного уровня.

2. Не меняются или меняются у небольшого числа испытуемых смысловые (мотивационные) установки, отражающие их отношение к соблюдению закона: готовность нарушить закон как мотивационная доминанта устойчиво характеризует более 30% испытуемых независимо от их уголовно-правового статуса. Ориентация на моральные основания удержания от преступных действий в данной выборке судимых является одним из наименее действенных факторов удержания от рецидива, причем даже участие в комплексных программах работы с личностью осужденных не влияет на повышение его значимости.

3. Содержательная динамика установок касается преимущественно целевого и операционального уровня, что ярко представлено в групповой иерархии факторов удержания от рецидива. У лиц с устойчивыми показателями социальной адаптации после освобождения из МЛС значимо повышается сдерживающая роль *других способов поведения* в ситуациях криминогенного риска, при сохранении лидирующей роли фактора *страха*. Причем, связь направленности преступлений с факторами сдерживания во всех группах осужденных указывает на то, что фактор морали обладает сдерживающим потенциалом только по отношению к насильственным действиям против личности, а фактор страха – по отношению к корыстным преступлениям.

4. Обследуемые из разных групп в зависимости от уголовно-правового статуса (условно осужденные, находящиеся в местах лишения свободы, освободившиеся) выбирают разные цели, ради которых они готовы удерживаться от совершения преступлений, и возможные жертвы, на которые они готовы пойти ради своих целей. Так, для группы условно осужденных главная цель не попасть за решетку, для находящихся в местах лишения свободы – получить условно-досрочное освобождение, для освободившихся – создать хорошую семью. Готовность к ограничениям и испытаниям ради цели также претерпевает изменения на разных этапах уголовно-правового статуса. У освободившихся, ориентированных на социально приемлемые способы поведения, установки на самоограничения, требующие личностной активности, более выражены, чем у условно осужденных и заключенных. Необходимость измениться самим и изменить свое отношение к закону во всех трех группах в числе приоритетных целевых установок не значатся.

5. Высокая вероятность удержания от повторного преступления у судимых несовершеннолетних связана с наличием поддержки значимых для них людей и социального окружения в целом. Практически всех испытуемых из группы освободившихся, несмотря на различие поведенческих стратегий и на сохранение у некоторых трансформированных криминальных моделей поведения, объединяет двойкий социально-личностный фактор – у них выявлен высокий уровень ориентации на социальное одобрение (в качестве объекта здесь выступает не криминальное, а

социально-нормативное сообщество людей) и наличие реального ресурса социальной поддержки, в роли которого выступают не только члены семьи и другие действительно близкие люди, но и общественные организации, социальные проекты, группы самопомощи 12 шагов, в которые на уровне занятости и на уровне личных контактов, вовлечены испытуемые. Это обуславливает необходимость создания специальной инфраструктуры по поддержке социальных связей для находящихся в местах лишения свободы и социально-психологическому сопровождению условно осужденных и освободившихся (например, по типу системы пробации).

6. У обследуемых из разных статусных групп различия в проявлении личностных свойств и структуры содержания сознания связаны с характером их уголовно-правового статуса. В групповой системе значений у испытуемых, находящихся на свободе, понятия криминального и некриминального круга, их оценки и направленность имеют конфликтную, противоречивую окраску. Тогда как у находящихся в неволе они четко поляризуются по архисемам *свобода и преступление-наказание*. Самооценка личностных, волевых качеств, повышенная относительно оценки испытуемыми «всех судимых» в целом, на разных этапах контакта с правоохранительной системой характеризуется разной степенью идентификации с сообществом несудимых: условно осужденные и находящиеся в местах лишения свободы оценивают себя выше, чем всех остальных, освободившиеся – дифференцируют свои оценки по качествам, никому в целом не отдавая предпочтения. Представления об идеальной, ценностной модели личности в целом по выборке свидетельствует о том, что волевые качества (дисциплинированность, упорство, инициативность, принципиальность) а также одаренность для испытуемых являются наименее ценными, тогда как предпочитаемыми являются уверенность, самостоятельность, ответственность, смелость и здоровье.

Основное содержание работы представлено в публикациях:

Публикации автора:

– в рекомендованных ВАК МО и науки РФ изданиях:

1. **Чиркина Р.В.** Исследование динамики установок личности несовершеннолетних судимых // Вестник Томского Государственного Университета. Общенаучный журнал. – Томск:Изд-во ТГУ, 2008 (июнь). – № 311, С. 165-169 (статья).

– в других изданиях:

2. **Чиркина Р.В.** Исследование характера социального отставания несовершеннолетних правонарушителей // Обучение и воспитание детей с интеллектуальной недостаточностью: проблемы теории и практики: Сб. научных статей. – Саратов: Изд-во СГУ – 2002 – С.191-197 (статья).

3. **Чиркина Р.В.** Программа «Социум-Ресурс» как модель психолого-педагогической работы с делинквентными подростками в местах принудительного содержания // Психология образования: проблемы и перспективы: Материалы I Международной конференции ФПО (16-18 декабря 2008). – Москва, 2004. – С.408 (тезисы).

4. **Чиркина Р.В.** Изучение факторов, определяющих отказ от преступного поведения среди несовершеннолетних: модель исследования // Психологическая помощь подростку в кризисных ситуациях: Сб. научных статей. - Саратов, 2005. - С.19-27 (статья).

5. **Чиркина Р.В.** Социальные ожидания и представления подростков в местах принудительного содержания // Актуальные проблемы образования детей с нарушениями развития: Сб. научных трудов. – Изд-во Саратовского ун-та, 2006.– С.230-240 (статья).

6. **Чиркина Р.В.** Программа социально-психологического тренинга подготовки к выходу на свободу детей из воспитательной колонии // Вестник практической психологии образования: Научно-методический журнал. – Москва, 2007 – №№ 1(10),2(11),3(12),4(13) , 2008 – №№ 1(14), (методическое пособие).

7. **Чиркина Р.В.** Эффективность ресурсного подхода в реабилитационной работе с несовершеннолетними, находящимися в местах лишения свободы // Материалы IV съезда РПО (18-21 сентября 2007). – Ростов-на-Дону, 2007 (тезисы).